

ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЖАНРОВ ФОЛЬКЛОРА

Т.А. АГАПКИНА,
А.Л. ТОПОРКОВ
(Москва)

УКАЗАТЕЛИ ЗАГОВОРОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Вводные замечания

В последние два десятилетия значительно возрос интерес к изучению и изданию вербальных магических текстов. Увидели свет собрания белорусских, болгарских, венгерских, немецких, румынских, русских, сербских, украинских, французских, чешских заговоров. Вместе с тем, чем больше публикуется новых текстов в разных странах, тем труднее составить себе общую картину. Проблема не только в языковом барьере, из-за которого ученые не в силах использовать заговоры других традиций, но также в разном понимании задач и способов исследования, во многом определяемых профессиональными предпочтениями, сложившимися в разных научных школах на протяжении полутора столетий. В связи с этим ситуацию в области изучения заговоров можно без преувеличения назвать кризисной.

Пути выхода из этой ситуации наметились, как нам кажется, в том числе в результате исследовательской и организационной работы английского фольклориста Дж. Ропера. Он выдвинул идею международного указателя заговоров [Roper 2004b, 139—141]; создал базу данных английских заговоров и на этой основе подготовил книгу «Английские вербаль-

ные заговоры» [Roper 2005]. Дж. Роперу при поддержке Фольклорного общества Великобритании и Института Варбурга (Лондон) удалось организовать две международные конференции, посвященные заговорам в разных странах Европы².

Наши предложения можно рассматривать как попытку дальнейшего развития идей Дж. Ропера. В то же время следует подчеркнуть, что в осмыслении заговоров и проблем их систематизации мы опираемся главным образом на собственный опыт: описание сюжетного состава восточнославянских заговоров, исследование русских рукописных заговоров XV—XIX вв. (см.: [Агапкина, Топорков 1990; Агапкина 2002; Агапкина 2006; Агапкина (в печати); Топорков 2002; Топорков 2005]), многолетние полевые исследования традиций магического слова на Русском Севере, в Белоруссии и на Украине. Авторы настоящего проекта впервые столкнулись с живой заговорной традицией во время экспедиций в Полесье еще на рубеже 1970—1980-х гг. Позднее нами было подготовлено к изданию собрание «Полесские заговоры (в записях 1970—1990-х гг.)» (2003). Наряду со сборниками «Нижегородские заговоры» (1997) и «Русские заговоры Карелии» (2000) оно является одним из немногих комментированных изданий восточнославянских заговоров.

В более общем плане наш проект учитывает и опыт составления иных фольклорных указателей, прежде всего охватывающих сказку и несказочную прозу. Назовем в этой связи новейшее издание указателя сказочных сюжетов

¹ Работа выполнена при поддержке Программы ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории», проект «Русский фольклор в ближайшем этническом окружении».

² В 2004 г. опубликованы материалы первой конференции, состоявшейся в 2002 г. [Roper 2004a]. Вторая конференция прошла в 2005 г.; ее материалы в настоящее время находятся в печати.

Анти Аарне — Стита Томпсона, переработанное Гансом-Йоргом Утером [Uther 2004]³, книгу Х. Ясон, посвященную теории и практике составления фольклорных указателей [Jason 2000]⁴, а также недавно изданную в России антологию, посвященную проблемам составления фольклорных указателей [Проблемы указателей 2006].

Вместе с тем мы должны оговориться, что проблемы составления сюжетного указателя заговоров во многом лежат в другой плоскости, чем в ситуации со сказкой и несказочной прозой. Как известно, заговоры принадлежат к так называемым малым фольклорным жанрам, по отношению к которым имеющийся у современной науки о фольклоре терминологический и таксономический аппарат может быть использован в довольно-таки ограниченной степени. Это связано, во-первых, с таким, казалось бы, «техническим» моментом, как объем заговорных текстов, в целом существенно меньший, чем, например, у сказок и быличек, а во-вторых, с очевидной гетерогенностью корпуса заговоров, вошедшего в себя целый ряд культурных традиций (устных и письменных) и жанровых форм и в итоге объединившего тексты, строго говоря, очень разные в жанровом отношении: простейшие нарративы, заклинательные формулы и другие виды магических текстов. Во многих случаях экспликация сюжетной основы этих текстов сопряжена с определенными трудностями.

Указатель восточнославянских заговоров

Общие соображения. Как уже упоминалось, за последние 15 лет (после более чем полувекового перерыва) были опубликованы новые собрания русских, украинских и белорусских заговоров. Кроме этого, переизданы сборник Л.Н. Майкова, книги Г.И. Попова и Н.Ф. Познанского; вышли в свет два справочных издания — «Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян» В.Л. Кляуса (М., 1997) и «Ономастикон русских заговоров» А.В. Юдина (М., 1997); появи-

лись обзорные работы по восточнославянской заговорной традиции, балто-славянским связям, русской рукописной традиции [Харитоновна 1992; Левкиевская 2002; Топорков 2005; Завьялова 2006] и т.д. Всё это в целом принципиально изменило источниковую базу восточнославянской заговорной традиции и позволило поставить вопрос о подготовке указателя, отражающего богатство и разнообразие русских, украинских и белорусских заговоров.

Говоря об источниковой базе указателя, мы специально подчеркиваем значение тщательной предварительной проработки малоизвестных и порой труднодоступных публикаций, в основном в дореволюционной периодике. Дело в том, что имеющееся у современных исследователей представление о составе и сюжетном «объеме» отдельных национальных и локальных традиций восточнославянского заговорного континуума, а также об их особенностях, к сожалению, на данный момент трудно признать удовлетворительным и достаточным, а сформулированные на эту тему суждения, как правило, требуют уточнения с опорой на более широкий круг источников. К числу таких суждений относится, в частности, точка зрения, согласно которой южная часть восточнославянской территории (прежде всего украинская традиция) заметно отличается от русской и белорусской своим тяготением к малым формам [Харитоновна 1992, 19]. По мнению Р.А. Агеевой, эти краткие украинские заклинания являются наиболее архаическими формами заговоров; они в меньшей степени подверглись христианскому влиянию, в них практически отсутствует эпический элемент, пространственные объекты лишены собственных имен и т.д. [Агеева 1982, 137]. Такой взгляд на украинскую традицию, как нам представляется, обязан своим появлением тому прискорбному факту, что до самого последнего времени основным источником украинских заговоров был широко известный «Сборник малорусских заклинаний» П.С. Ефименко (1874), в котором действительно собраны главным образом достаточно небольшие по объему заговорные тексты. Если же расширить источниковую базу украинских заговоров (в настоящий

³ См. рецензию: [Козьмин 2006].

⁴ См. реферат: [Рафаева 2006].

момент мы оперируем почти полусотней источников), что, безусловно, и придется сделать, готовя соответствующий указатель, то украинские заговоры — с точки зрения своего объема и сюжетного разнообразия — окажутся вполне сопоставимыми с белорусскими и русскими.

В целом предлагаемый указатель в значительной мере продолжает отечественную традицию региональных указателей, наиболее известным и востребованным из которых является «Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков» (1979). Для нас сохраняют актуальность положения, сформулированные составителями указателя сказок почти 30 лет назад: «Предлагаемый указатель должен одновременно разрешить две задачи, — отмечали они. — С одной стороны, это как бы три национальных указателя, характеризующих сюжетный репертуар русской, украинской и белорусской сказки; с другой — первый опыт регионального сюжетного указателя. Составители объединили свои усилия для того, чтобы дать сравнительную характеристику восточнославянского историко-этнографического региона — этнической территории расселения трех близкородственных народов, контактировавших на протяжении столетий и говорящих на языках, не препятствующих активному взаимному обмену текстами и общему взаимному влиянию в сфере сюжетики, стилистики, варьирования, созданию общего запаса повествовательных формул и т.д.» [СУС, 13].

В отличие от этого и других опытов составления сюжетных указателей (русских и восточнославянских) мы не учитываем записи заговоров, сделанные за пределами Украины, Белоруссии и европейской части России. Это ограничение связано, во-первых, с попыткой выявить «диалектное» (региональное) членение заговорной традиции восточных славян, а во-вторых, с нежеланием учитывать тексты, несущие на себе явный отпечаток инокультурных влияний, неизбежных, в частности, в полиэтнических сибирских традициях.

Указатель В.Л. Кляуса. В 1997 г. был издан «Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных

и южных славян» В.Л. Кляуса. Исследователь учел в нем более 3000 текстов из 80 публикаций XIX—XX веков [Кляус 1997, 13]. Указатель сыграл свою роль в систематизации славянских заговоров и продемонстрировал их реальное разнообразие и богатство традиций. В то же время этот указатель имеет ряд особенностей, которые не позволяют нам на нем основываться (т.е. действовать как бы в продолжение уже имеющихся работ): выделяемые автором сюжеты имеют чрезвычайно дробный характер, а их общее число (981!) явно завышено. Мы предполагаем, что в нашем указателе будет не более 100—150 сюжетных типов, и собираемся, как уже говорилось, ограничиться заговорами восточных славян, отказавшись на данном этапе от привлечения других славянских традиций.

В.Л. Кляус сгруппировал тексты по основному действию, которое в них описывается; такое действие он назвал «сюжетной темой», фактически отказавшись от более крупных единиц сюжетного членения. Кроме того, автор не учитывал функциональность заговоров. Указатель, к сожалению, не дает объективного представления о репертуаре восточнославянских заговоров, о количественном составе и географическом распространении отдельных тематических групп и сюжетных типов⁵. Выделяемые на основе «сюжетных тем» сюжеты и их редакции в Указателе В.Л. Кляуса мало сопоставимы с классификационными единицами, применяемыми учеными других стран [Holzmann 2002; Roper 2005].

Членение корпуса заговоров. В основу указателя мы намерены положить иную классификацию заговоров, а именно иерархию, предполагающую выделение тематических и функциональных групп и сюжетных типов. Учитывая опыт предшественников, мы стремимся разрабатывать конструктивные принципы указателя таким образом, чтобы в будущем иметь возможность сравнить его с указателями или крупными коллекциями других этнических традиций. Корпус заговоров той или иной традиции (национальной, региональной, локальной) может быть представлен в виде иерар-

⁵ См. подробнее: [Топорков 1999].

хической структуры. При построении таксономии мы исходим из того, что выделяемые единицы и уровни должны быть просты и понятны. Это обеспечит в будущем переход от единиц указателя к конкретным текстам и, наоборот, от конкретных текстов к указателю.

Эмпирическое знакомство с русскими, украинскими, белорусскими и некоторыми другими заговорными традициями показывает, что наиболее естественное членение корпуса заговоров основано на функциональном принципе. При этом самую многочисленную и не вызывающую сомнений часть корпуса заговоров составляют лечебные заговоры (от зубной боли, от лихорадки, от кровотечения, от разных болезней и т.д.). К ним добавляются другие, обычно менее значительные группы: хозяйственно-промысловые (скотоводческие, пчеловодческие и др.), социально-бытовые заговоры (произносимые перед судом или властями, любовные и др.), прочие. Учитывая, что заговоры, относимые к той или иной группе, объединяются общей темой (болезнь, любовь, хозяйство, отношения с властями и т.д.), мы будем называть такие совокупности текстов *тематическими группами*.

При этом в указателе не предполагается учитывать другие виды магических текстов, в том числе «приговоры», т.е. тексты, сопровождающие хозяйственные и бытовые работы, «ритуальные приветствия» (адресуемые людям, выполняющим те или иные виды хозяйственных и домашних работ), а также «заклички/заклинания» — тексты, адресованные природным объектам или явлениям с целью магического воздействия на них и достижения конкретной прагматической цели (такие как, например, заклички дождя или божьей коровки).

Представленный подход близок тому, который используется в сказковедении, где тексты сначала подразделяются по жанровым разновидностям, а уже потом — по сюжетным типам [Неклюдов 2006, 33]. Так, например, «восточнославянская сказочная проза обычно несколько условно делится на сказки о животных, сказки фантастические (волшебные и легендарные) и сказки бытовые (новеллистические и анекдотические)» [СУС, 15].

Отличие же от сказок объясняется тем, что в случае с заговорами принципы группировки текстов, на первый взгляд, внеположны самой заговорной традиции. Однако функция заговоров безразлична для их содержания. При всей эмпиричности подобных группировок они в общем позволяют расположить корпус заговоров в определенной системе, что мы и видим в многочисленных сборниках магических текстов. Это объясняется тем, что одной из важнейших характеристик заговоров как определенного вида текстов, как мы уже говорили, является их функциональность. Вряд ли возможно перепутать заговор от кровотечения с «приворотом» или заговор на «красоту» с заговором от грыжи. Если бы мы отказались от функционального принципа, как некоторые наши предшественники, то лишили бы и себя, и будущих пользователей нашего указателя надежного компаса в огромном море заговорных текстов.

На начальном этапе работы мы предлагаем сосредоточиться прежде всего на лечебных заговорах как наиболее распространенных и достаточно легко и почти безошибочно выделяемых. Данная тематическая группа заговоров в свою очередь подразделяется на отдельные *функциональные группы*: заговоры от кровотечения, зубной боли, лихорадки, детской бессонницы, укуса змей и др.

Намереваясь разделить лечебные заговоры на функциональные группы, мы прекрасно осознаем те трудности, с которыми нам при этом неизбежно предстоит столкнуться. И одна из основных — это необходимость идентифицировать сами болезни, народные названия которых (учитывая три национальные и несколько крупных локальных традиций) довольно-таки разнообразны и не всегда прозрачны с точки зрения их внутренней формы. Как показывает опыт, в большинстве случаев придется игнорировать диалектное разнообразие, объединяя разные по названию, но сходные по симптоматике болезни или их подвиды в одну функциональную группу под общим именем (*золотник*, *ураз*, *матица*, *дна* > «золотник»; *чирей*, *веред*, *скула*, *болячка* > «чирей» и т.д.).

Для восточнославянской традиции очень характерны случаи, когда факти-

чески одни и те же заговоры применяются для лечения разных болезней. Помимо преимущественно однофункциональных, восточнославянский заговорный универсум включает немало сюжетных типов, имеющих полифункциональный характер, т.е. «обслуживающих» несколько функциональных групп. Один из таких известных сюжетных типов: «В мифологическом центре (в чистом поле, синем море и на белом камне) находится некто (Богородица/царь/дед и др.), кто лечит имярек или как-то иначе помогает ему избавиться от того или иного недуга». Подобные полифункциональные сюжеты должны быть, скорее всего, описаны в особых статьях указателя.

На следующем уровне могут быть выделены отдельные *типы* (назовем их также *заговорные типы* или *сюжетные типы*). Так, например, О. Эберман при исследовании немецкой магической традиции установил 14 типов заговоров от ран и кровотечения, которым присвоил следующие условные наименования: «Der zweite Merseburger Zauberspruch», «Jordan-Segen», «Drei gute Brüder», «Longinus-Segen», «Sie quellen nicht», «Blut und Wasser», «Glückselige Wunde», «Sanguis mane in te», «Adams Blut», «Der Blutsegen von den drei Frauen», «Drei Blumen», «Ein Baum», «Der ungerechte Mann», «Scherzhafte Wundsegen» («Второй Мерзебургский заговор», «Иордан-заговор», «Три добрых брата», «Лонгинус-заговор», «Она (кровь) не течет», «Кровь и вода», «Счастливая рана», «Кровь, остановись, в тебе», «Кровь Адама», «Заговор о трех женщинах», «Три цветка», «Дерево», «Неправедный человек», «Шуточный заговор от раны») [Ebermann 1903]. В восточнославянской традиции могут быть выделены от 15 до 20 сюжетных типов заговоров от кровотечения [Агапкина 2006].

В рамках одного сюжетного типа заговоры объединены по характеру основных событий, описываемых в заговоре. В то же время эти заговоры могут отличаться друг от друга по составу персонажей, деталям и атрибутам действия. Заговоры могут сокращаться, утрачивая отдельные эпизоды или, наоборот, разрастаться, присоединяя к себе эпизоды дополнительные. Они могут контамини-

роваться с заговорами других сюжетных типов или функционально-тематических групп.

Формулируя «сюжетный тип», мы не учитываем такие элементы текста, как молитвенные вступления и заключения, зачины, закрепи, которые не играют роли в сюжетике заговора. По большей части мы игнорируем и «формальные» различия между отдельными текстами, полагая, что один и тот же сюжетный тип может быть реализован в виде императива или пожелания, нарратива или диалога и т.д.⁶ Заговорный тип обладает, таким образом, смысловой, но никак не формальной устойчивостью⁷.

В результате общая схема членения корпуса заговоров может быть представлена следующим образом:

Уровни	Наименование	Пример 1
Уровень 1	Тематическая группа	Лечебные заговоры
Уровень 2	Функциональная группа	Заговоры от зубной боли
Уровень 3	Тип	«Как у N не болят зубы, так пусть у имярека зубы не болят»
Уровень 4	Версия	Описание четырех основных версий (см. ниже).

Структура словарной статьи. Заговорный тип может быть определен с помощью *заглавного слова* или словосочетания и описан с помощью инварианта. В качестве заголовка используется обычно одно из ключевых слов или словосочетаний заговора. Желательно, чтобы оно имело непосредственное отношение к содержанию текста и легко опознавалось. Не следует использовать в качестве заголовка случайные или малопонятные словосочетания.

⁶ О речевых жанрах применительно к заговорным текстам см.: [Толстая 1999, 155–156].

⁷ О противопоставлении семантической и формальной устойчивости см.: [Небжеговская-Бартминьская 2004, 258].

Инвариант представляет собой формализованную запись последовательности наиболее важных событий, описываемых в заговоре. Это содержательная основа, которая просматривается в ряде текстов и позволяет вычлнить их из общего континуума заговорной традиции, т.е. выполняет в том числе поисково-идентифицирующую функцию. Инвариант призван уловить значимые элементы заговора и отношения между ними: например, в заговоре от кровотечения типа «Иордан-формулы» это такие элементы, как «вода», «стоять» и «кровь», связанные определенными синтагматическими отношениями.

В рамках сюжетных типов могут быть выделены отдельные *версии*, которые имеют существенные сюжетные отличия, но при этом укладываются в рамки общего сюжетного типа (в частности, они могут различаться как разработкой отдельных эпизодов, так и наличием/отсутствием последних). Желательно, чтобы формализованное описание инварианта отражало как то общее, что объединяет версии друг с другом, так и их основные отличия. Кроме того, хотелось бы, чтобы выделяемые версии были охарактеризованы в географическом отношении. Описание той или иной версии можно сопроводить отдельными наиболее показательными для нее текстовыми примерами.

Поскольку указатель должен включать заговоры по трем национальным традициям, перечень *источников* приводится в следующем порядке: русские, белорусские и украинские. Этот способ подачи материала (по отдельным традициям) принят в «Сравнительном указателе сюжетов» восточнославянской сказки, за которым мы в данном случае следуем, изменив, впрочем, порядок представления традиций. Располагая их именно в такой последовательности, мы исходим исключительно из количественного состава известных нам на данный момент заговорных текстов. Более всего опубликовано русских заговоров, существенно меньше белорусских и еще меньше украинских. В списках по отдельным этническим традициям источники приводятся в соответствии с хронологией их публикаций. Этот порядок в дальнейшем облегчит исследователям

возможность идентифицировать вторичные перепечатки ранее публиковавшихся заговоров, осуществленных без ссылки на первоисточник⁸ (для указания на очевидные перепечатки удобно пользоваться знаком равенства).

Составление перечня источников предполагает проведение обширных предварительных разысканий. На этом этапе необходимо выявить максимально широкий корпус заговоров с учетом их версий и вариантов в зависимости от места и времени фиксации, типа источника, личности исполнителя и т.д. Желательно, хотя и труднодостижимо, соблюдение принципа полноты описания традиции с учетом опубликованных и архивных источников, текстов, функционирующих в устных и рукописных традициях, сохранившихся не только в устных записях, но и во всякого рода лечебниках и сборниках магических средств. В то же время мы сознательно отказываемся от использования таких источников, которые содержат фальсифицированные тексты (сборники И.П. Сахарова, М.Е. Забылина, Н.И. Степановой и др.), а также от многих компилятивных собраний (например, от сборника «Русские заговоры» Н.И. Савушкиной (М., 1993) и мн.др.).

При этом мы считаем обязательным указывать в отдельном пункте на то, в какой именно форме бытования известен данный сюжет — *устной*, *рукописной* или *смешанной*. Это важно и само по себе, и с точки зрения изучения истории того или иного сюжетного типа, а также в плане исследования географии восточнославянских заговоров. Показательный пример — ситуация с популярными на значительной части восточнославянской территории заговорами от вывиха по типу 2-го Мерзбургского («Пусть становится кость к кости, мясо к мясу, жила к жиле...»). В северно- и центральнорусской устной традиции практически нет заговоров от вывиха и, в частности, неизвестен и этот тип заго-

⁸ О проблеме перепечаток как одной из трудностей, возникающих при создании сюжетных указателей, писал Ю.И. Смирнов в предисловии к своему указателю «Восточнославянские баллады и близкие им формы» [Смирнов 1988, 3].

воров. В то же время в рукописной традиции Русского Севера такие заговоры встречаются, что свидетельствует, по-видимому, о различиях в источниках устной и рукописной традиции, а также о том, что каждая из них имеет свою динамику на восточнославянской территории [Агапкина 2002].

Статья указателя, описывающая тот или иной сюжетный тип, должна включать также *хронологическую характеристику* известных заговоров, т.е. указание на их хронологический диапазон в целом, а также на наиболее ранние, часто рукописные, и наиболее поздние записи или даже сведения о таковых (например, о неопубликованных полевых записях).

Отдельный пункт статьи указателя — характеристика *ареальной картины* распространения сюжетного типа в рамках трех восточнославянских традиций. Последнее обстоятельство представляется особенно важным, поскольку выявление географической «проекции» восточнославянской заговорной традиции видится нам одной из сверхзадач будущего указателя в целом. Здесь имеет смысл подчеркнуть, что членение восточнославянского региона на три национальные традиции ни в коей мере не отражает реального диалектного членения восточнославянской заговорной традиции. Так, исследуя полесские заговоры, мы обратили внимание на то, что, например, южнорусские заговоры гораздо ближе к украинским и белорусско-полесским, нежели к севернорусским, которые в свою очередь (вместе с центральнорусскими) формируют отдельную самостоятельную в сюжетном отношении традицию. На основании данных указателя можно будет составить в итоге список основных сюжетных сходжений, объединяющих разные традиции в рамках восточнославянского этнодиалектного континуума. Задача изучения восточнославянской заговорной традиции в ареальной проекции кажется выполнимой, поскольку нами накоплено значительное число заговорных текстов из разных регионов⁹.

⁹ О репрезентативности материала как необходимым условием изучения фольклорных диалектов см. замечания Ю.А. Новикова,

В тех случаях, когда сюжет заговора восходит к каноническим или неканоническим христианским текстам, желательно также включить в описание сведения о *происхождении* сюжетного типа.

Отдельным пунктом предполагается указывать *функциональность* того или иного сюжетного типа — как основную, так и дополнительные.

Восточнославянские заговоры, будучи, как мы уже упоминали, «малыми» фольклорными формами, достаточно широко *контаминируются* друг с другом, что приводит к разнообразию текстовых реализаций сюжетных типов. В отдельном пункте мы намерены эксплицировать основные контаминации (как внутри данной функциональной группы, так и на уровне тематической группы, а если понадобится — то и на уровне заговорного корпуса в целом). Кроме того, в списке источников контаминированные варианты в будущем предполагается пометать тем или иным образом (например, * ‘звездочкой’).

Схема статьи восточнославянского указателя. В качестве наименования статьи предлагается использовать *условное обозначение сюжетного типа* на русском языке.

Статья, таким образом, могла бы включать следующие рубрики:

1. формализованное описание типа (инвариант);
2. хронология фиксаций, в том числе наиболее ранние и наиболее поздние записи;
3. география фиксаций;
4. список источников по трем восточнославянским традициям (русские, белорусские, украинские);
5. сведения о происхождении типа (главным образом для заговоров, связанных с христианской книжной традицией);
6. форма функционирования текстов (устная, в рукописной традиции, смешанная);
7. версии сюжетного типа;

высказанные им в рецензии на опыт географического изучения русских былин, предпринятый С.И. Дмитриевой [Дмитриева 1975; Новиков 2000, 152—175].

8. функции текста, а также изменение функций текста в процессе его бытования;

9. контаминации с другими типами заговоров;

10. особенности данного типа заговоров в отдельных этнических и локальных традициях;

11. основные исследования, посвященные данному типу.

Естественно, что данная схема имеет пока рабочий характер и открыта для дискуссий.

Проблемы создания международного указателя заговоров

Возникает вопрос о том, в какой мере предложенный нами проект восточнославянского указателя применим для указателей по другим традициям (прежде всего европейским) и для международного указателя заговоров. Иными словами, возможно ли подготовить на сходной основе указатели для других национальных традиций и сравнительный указатель заговоров. Речь не идет о том, чтобы перенести схему восточнославянского указателя на указатели других народов, но лишь о том, чтобы использовать определенный алгоритм, систему описания.

На данном этапе работы мы считали бы правильным не начинать малоперспективные споры об объеме понятия «заговор», о типологии магических текстов, соотношении заговора, заклинания, молитвы и т.п., а сосредоточиться главным образом на проблемах систематизации заговоров.

Желательно, чтобы указатель заговоров той или иной традиции адекватно и достаточно полно описывал ее репертуар, а также обеспечил в будущем переход от национального указателя к указателю международному и далее — к другим национальным указателям.

Наборы тематических групп и типов заговоров, несомненно, будут различаться для разных традиций. Только часть типов, известных в той или иной традиции, встретится в других национальных традициях. Именно такие типы, имеющие международное распространение, мы и предполагаем в первую очередь включать в международный указатель.

Членение корпуса заговоров международного указателя может быть осно-

вано на тех же принципах, которые были выработаны ранее для восточнославянского указателя:

Уровни	Наименование	Пример 2
Уровень 1	Тематическая группа	Лечебные заговоры
Уровень 2	Функциональная группа	Заговоры от кровотечения
Уровень 3	Тип	Jordan-segen.
Уровень 4	Версия	Описание двух версий (см. ниже).

Систематизация заговоров по функционально-тематическому признаку была принята в изданиях русских заговоров еще в XIX веке (начиная со сборника Л.Н. Майкова, 1869 г.). Естественно, что она не является единственно возможной. Так, например, для немецкой исследовательской традиции характерна опора на средневековые записи заговоров. Отсюда такая рубрикация, как «Тип 1-го Мерзбургского заговора», «Тип 2-го Мерзбургского заговора» и др. Для восточных славян такая методика плохо подходит по ряду причин: с одной стороны, фиксация заговоров началась в России в основном со второй четверти XVII века (до этого времени известны только отдельные краткие магические тексты в берестяных грамотах и молитвоподобные тексты в рукописных сборниках), поэтому здесь практически отсутствуют средневековые записи заговоров; с другой стороны, у восточных славян очень много заговоров и они весьма разнообразны, с трудом укладываются в отдельные строго очерченные типы.

Можно предположить, что указатель немецких заговоров будет составлен когда-нибудь в соответствии с системой «прецедентных текстов»; этот вопрос должны решать германисты (ср.: [Holzmann 2002]). В этом случае общее членение корпуса текстов в немецком указателе будет иным, чем в восточнославянском, однако сохранится возможность сопоставления текстов на уровне отдельных типов.

Аналогичным образом возможны особые решения для других нацио-

нальных традиций. И всё же желательно, чтобы описание типов в разных национальных указателях соответствовало определенному шаблону.

При создании указателя полезно иметь в виду, что он представляет собой не только конечную цель работы, но и инструмент для будущих исследований. В связи с этим мы предлагаем помимо сведений о версиях и вариантах тех или иных типов заговоров включать также сведения об их географическом распространении и хронологии фиксаций. Это даст в руки будущих исследователей ценный материал, который позволит установить географическое распространение отдельных сюжетных типов в европейском культурном пространстве и их историческое развитие на протяжении Средневековья и Нового времени.

Схема статьи международного указателя может соответствовать схеме, предложенной выше, хотя и с определенными поправками. В качестве наименования статьи предлагается использовать *условное обозначение сюжетного типа* на немецком, английском и русском языках в соответствии с существующей традицией или на усмотрение исследователей.

Статья международного указателя может включать следующие рубрики:

1. формализованное описание типа;
2. хронология фиксаций (в частности, наиболее ранние и наиболее поздние записи);
3. география фиксаций;
4. источники по разным традициям (названия традиций приводятся в алфавитном порядке);
5. сведения о происхождении типа (если они имеются: например, перевод с латыни или греческого и т.д.);
6. форма функционирования текстов (устная, в рукописной традиции, смешанная);
7. версии сюжетного типа (описание версий с текстовыми примерами);
8. функции текста (изменение функций текста в процессе его бытования);
9. контаминации с другими типами заговоров;
10. особенности данного типа заговоров в отдельных национальных традициях;
11. основные исследования, посвященные данному типу.

Программа исследований (материалы к дискуссии)

Создание сравнительного индекса заговоров мыслится нами как программа международного сотрудничества ученых. Каждый из них будет работать прежде всего с материалами своей собственной традиции или тех традиций, которые входят в круг его профессиональных интересов, но при этом иметь в виду общий план исследований.

На данном этапе работы было бы опрометчивым предлагать сначала национальный указатель с тем, чтобы потом на его основе создавать указатель международный. Очевидно, что международный указатель должен опираться на систему схождений между разными традициями, а не на какую-либо одну традицию, пусть даже наиболее полную.

Столь же опрометчивым был бы обратный ход: создать международный индекс, а потом пытаться накладывать его на отдельные национальные традиции. Понятно, что в этих традициях будет много такого, что никак не уложится в международный указатель.

В связи с этим мы предлагаем путь, который, во-первых, предполагает многоступенчатый и последовательный (пошаговый) процесс исследования и систематизации материала, а во-вторых, позволит избежать крайностей как изоляционистского, так и унификаторского подходов.

Предлагается следующая программа действий:

1. В результате коллективного обсуждения вырабатываются общие принципы описания заговорной традиции (членение корпуса текстов, рубрикация статей и т.д.).
2. Исследователи из разных стран работают над национальными указателями заговоров. Они описывают корпус заговоров тех или иных этнических традиций, опираясь на выработанные ранее общие подходы.
3. Параллельно с этим идет работа над отдельными статьями международного указателя.
4. Конечным итогом работы могло бы стать, во-первых, создание указателей заговоров по отдельным европейским традициям и, во-вторых, международного указателя европейских заговоров либо его существенных фрагментов.

Идеальной была бы такая система указателей, в центре которой находился международный указатель заговорных типов, а вокруг него — система национальных или региональных указателей, составленных по той же системе или, во всяком случае, соотнесенных с ним. Международный указатель может постоянно расширяться и дополняться, главным образом благодаря привлечению новых национальных традиций.

Примерно таким образом ситуация развивалась в сказковедении: появление указателя А. Аарне (в 1910 г.) стимулировало разработку национальных указателей сказок (в том числе русских); далее последовали новые дополненные издания. Исследователи заговоров находятся сейчас в такой ситуации, в какой сказковеды находились до появления указателя А. Аарне. От нас зависит, пойдём ли мы по тому же проторенному пути, или будем по-прежнему топтаться на одном месте.

На первом этапе создания международного указателя мы считаем возможным ограничиться заговорами европейских народов (прежде всего относящихся к индоевропейской языковой семье: германские, славянские, балтийские и романские) и сосредоточиться главным образом на заговорах лечебной направленности.

Имело бы смысл подготовить коллективными усилиями пробный выпуск указателя, посвященный какому-нибудь функциональному типу заговоров. Учитывая степень научной разработки проблемы (специальные монографии О. Эбермана, В. Мансикки, Ф. Орта), большое число опубликованных заговоров на разных языках, широкое распространение у разных народов Европы, наличие ранних фиксаций в средневековой традиции, для такого исследования, на наш взгляд, больше всего подошли бы заговоры от кровотечения.

Пробные статьи

В качестве примеров далее приводятся две пробные статьи: одна — для регионального (восточнославянского) и вторая — для международного (европейского) указателей.

В первом случае мы выбрали заговор, который широко представлен во

всех трех восточнославянских традициях, но при этом почти не известен за пределами восточнославянского ареала, имеет сугубо фольклорный характер и бытует преимущественно в устном исполнении. Во втором случае — заговор, широко представленный в разных европейских традициях, имеющий книжное происхождение и связанный с христианским преданием.

Мы хотели показать, что предлагаемый тип указателя не только позволяет составить формальное структурно-семантическое описание типа, но и дает ключ к изучению его истории и географии в европейском культурном пространстве.

Указатель

восточнославянских заговоров

Раздел: *Заговоры от зубной боли*

I. Как у N не болят зубы, так пусть и у имярека зубы не болят

1. «(Некто спрашивает, болят ли у N зубы. Выясняется, что у N зубы не болят.) Как у N (покойника / Адама / Антипы / др.) не болят зубы, так пусть и у имярека зубы не болят». Описание по версиям см. в п. 7.

2. Наиболее ранняя фиксация относится ко 2-й четверти XVII века [Срезневский 1913, № 82]. Наиболее поздние — к концу XX — началу XXI века.

3. Известен повсеместно во всех трех восточнославянских традициях.

4. Источники:

русские: Майков 1869, № 62, 65—68, 70, 72, 73, 79; Мажников 1893, 128; Харламов 1901, 28 (№ 1—2); Попов 1903, № 61, 63, 65—68; Харламов 1904, 11; Добровольский 1905, 320; Мансикка 1926, № 114—116, 118—122, 125, 127, 128, 130—132; Адоньева, Овчинникова 1993, № 410, 413—415, 417; Разумовская 1993, 265; Булушева 1994, 46; Григораш 1995, 118—119; НЗ 1997, № 19, 20, 33, 36; Novikova 1997, № 28; P33 1998, № 1404, 1406—1414, 1416—1425, 1427—1445, 1447; Проценко 1998, № 87, 91, 96, 102, 103; Курец 2000, № 194, 195, 198; Крашенинникова 2001, № 14, 15; Пыщуг 2001, № 105—107; Судог. ф-р 2001, № 11; Новг. ф-р 2001, № 449—452; НТКПО 2002/2, 338 (№ 14); Востриков 2002, 77, 78; ФНО 2005, № 64; ВС 2005, 183 (№ 42);

белорусские: Романов 1891, 81 (№ 158, 162), 82 (№ 164—168), 164 (№ 26—27), 181 (№ 159); Шейн 1893, 541 (№ 35—36); Демидович 1896, 130; Kolberg 53, 374; Зам. 1992, № 607—611, 613, 615—619, 623, 627; ПЗам 1996, № 127, 128, 130, 133; Таямн. 1998, № 216, 221, 226, 228, 233, 240, 244, 246, 247, 256—228; ПЗ 2003, № 473—477, 480, 483—485, 487, 492, 494, 498, 501, 502, 508, 509, 518;

украинские: Чуб. 1872, № 1246, в, 1253, к; Еф. СМЗ 1874, № 14—19; Иващенко 1878/2, 177; Rulikowski 1879, 112; Сорокин 1890, 16; Короленко 1892, 278; Гаврилов 1892, 283; Ястребов 1894, 49—50; Боцяновский 1895, 501; Rokosowska 1900, 459; Малинка 1902, № 2, 3; Новицкий 1913, 78—79; Зорі 1991, 118—121, 126, 129—132; ТСС 1992, № 426; Слов. маг. 1998, 57—60, 66, 67; УНМ 2001, 112; ПЗ 2003, № 478, 479, 481, 490, 491, 495, 497.

6. Заговор бытовал преимущественно в устной традиции.

7. Известны четыре основные версии, которые различаются по форме: 1-я включает диалог, 2-я — прецедентный нарратив (часто с помещением действия в мифологический центр), 3-я — формулу невозможного и 4-я — формулу сравнения.

1) Диалог: «Месяц (Адам, Антипа, др.), где ты был? — На том свете. — Видел ли ты мертвых? — Да, видел. — Болят у них зубы? — Нет, не болят. — Как у них зубы не болят, так бы и у имярек не болели». Эта версия известна у восточных славян повсеместно.

2) Прецедентный нарратив: «Есть синее море, на море камень, на камне церковь; в церкви лежит покойник (мертвое тело, мертвая голова, Адамова голова), у которого не болят зубы. Так бы и у имярек не болели зубы». Встречается преимущественно в севернорусской традиции.

3) Формула невозможного: «Когда покойник встанет из гроба, будет ходить, работать, говорить, думать, пить, есть, чувствовать боль, тогда и у имярек будут болеть зубы». Известна преимущественно на Украине и в Белоруссии.

4) Формула сравнения: «Как у мертвых зубы не болят, так бы и у имярек не болели». Часто входит в состав диалогических заговоров, завершает их, но может функционировать и самостоятельно

но. Встречается в русской и белорусской традициях.

8. В подавляющем большинстве случаев используется именно как заговор от зубной боли.

9. Часто контаминируется с другими заговорами от зубной боли, в основном с сюжетным типом «Когда три брата (царя) вместе сойдутся, тогда у имярек зубы заболят».

11. Исследования: ПЗ 2003, № 475, коммент. А.Л. Топоркова; Агапкина (в печати).

Указатель европейских заговоров

Раздел: *Заговоры от кровотечения и раны*

I. Jordansegen / Flum Jordan / Стань кровь в ране, как вода в Иордане

1. «Христос крестится в Иордане / идет через Иордан; Христос приказывает Иордану остановиться / Иордан остановился; как остановилась река Иордан, так пусть остановится кровь в ране». Инвариант состоит из нарративного и заклинательного фрагментов, при этом последний может функционировать в качестве самостоятельного заговорного текста (например, у вост. славян).

2. Известен в записях с X—XI веков до конца XX века. Наиболее ранние записи: на вульгарной латыни (в рукописи из Ватиканской библиотеки Hs 5359, fol. 30v рубежа IX—X веков); на древневерхненемецком языке: так называемые Бамбергское (XI век) и Мильштетское заклинания крови (XII век). Наиболее поздние: в белорусском Полесье в 1980—1990 гг. [ПЗ 2003; Таямн. 1998], в Литве на польском языке в 1991 г. [Zowczak 2000].

3. Заговор распространен в центральной, западной, северной и восточной Европе: на английском, белорусском, датском, латышском, литовском, немецком, нидерландском, норвежском, польском, русском, украинском, чешском, шведском языках.

4. Источники:

английские: Hunt 1990, 87 (№ 23, 25—26); 93 (№ 53, 55); 96 (№ 76); Eberman 1903, 24—31 (10 текстов); Forbes 1971, 300 (№ 61); Davies 1996, 20—21 (№ 1, 3, 4, 6); Schulz 2003, 89 (2 текста);

белорусские: Шейн 1893, 539 (№ 29); Зам. 1992, № 478, 481, 507 (+ коммент.);

Таямн. 1998, № 139; ПЗ 2003, № 283, 286, 288, 290, 293, 294;

датские: Eberman 1903, 31;

латинские: Eberman 1903, 24 (=Schulz 2003, 79); Schulz 2003, 80, 89 (3 текста);

латышские: Трейланд 1881, № 290, 292, 620 (=Завьялова 2006, 211—212; с пер. на рус. яз.);

литовские: Mansikka 1929, № 29; с пер. на нем. яз. (=Завьялова 2006, 210; с пер. на рус. яз.); Balys 1951, № 509 (=Завьялова 2006, 210; с пер. на рус. яз.);

немецкие: Eberman 1903, 24—31 (35 текстов); Топорова 1996, 132—133; Holzmann 2001, 226—238 (23 текста); Schulz 2003, 81—91 (16 текстов);

нидерландские: Ohrt 1931/1932, 767;

норвежские: Ohrt 1931/1932, 767, 769;

польские: Udziela 1891, 215; Biegeleisen 1929, 94; Zowczak 2000, 297 (=Zowczak 1994, 15) (4 текста, зап. на территории Литвы); Завьялова 2006, 210 (зап. на территории Литвы);

русские: Мажников 1893, 130; Харламов 1901, 31; P33 1998, № 1672—1674;

украинские: Еф. СМЗ 1874, № 43; Rokosowska 1900, 460; Podbereski 1880, 79; ПЗ 2003, № 297;

чешские: Вельмезова 2004, № 178, 183, 221, 246, 248;

шведские: Eberman 1903, 30, 33 (3 текста).

5. Сюжет заговора основан на легенде о том, что воды реки Иордан остановились, когда в них крестился Иисус Христос [Holzmann 2001, 116—117]. Рассказ об этом имеется в ряде апокрифических евангелий [Zowczak 2000, 301—302]. Согласно компилятивной «Пасхальной хронике» (составлена в Константинополе в 630-х гг.; наиболее древняя рукопись конца X века), во время крещения Христа «Господь сказал Иоанну: “Скажи Иордану, встань! Господь пришел к нам!”. И тотчас же воды встали» [Davies 1996, 21]. Заговор относится к текстам книжного происхождения, сочиненным на латыни в период Средневековья и позже переведенным на народные языки [Olsan 1992, 130].

6. Заговор представлен в рукописной и в устной традиции.

7. Известны две основные версии, которые различаются по содержанию повествовательной части:

1) Христос в сопровождении Иоанна Крестителя или одного из апостолов

подходит к Иордану и приказывает ему остановиться; мотив крещения Христа отсутствует. Первая фиксация на вульгарной латыни (рубеж IX—X веков): «Christus et sanctus Johannes ambelans ad flumen Jordane, dixit Christus ad sancto Johanne: “restans flumen Jordane”. Commode restans flumen Jordane, sic restet vena ista in homine isto. In nomine patris et filii et spiritus sancti. Amen» (Христос и святой Иоанн подходят к реке Иордан, и говорит Христос: «Остановись, река Иордан». Как остановилась река Иордан, так пусть остановится кровь у этого человека. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь) [Ebermann 1903, 24; Арнаутова 2004, 288—289].

2) Иоанн Креститель крестит Христа в Иордане; этому может предшествовать сообщение о рождении Христа в Вифлееме. Наиболее ранняя запись в рукописи XII века из Вены (Мильтетское заклинание крови): «Der hêligo Christ wart geboren ce Betlehem, dannen quam er widere ce Jerusalem. Dâ ward er getoufet vone Jôhanne in demo Jordâne. Duo verstuont der Jordânis fluz unt der son runst. Also verstant dû, bluostrinna, durch des heiligen Christes minna: Du verstat an der nôte, alsô der Jordân tâte, duo der guote sancte Jôhannes den heiligen Christ toufta. verstan dû, bluostrinna, durch des hêliges Cristes minna» (Святой Христос родился в Вифлееме, отсюда он направился в Иерусалим. Тогда он был крещен Иоанном в Иордане. Тогда остановила река Иордан свое течение. Так же остановись ты, кровотечение, ради любви святого Христа: ты остановись по необходимости, как сделал Иордан, когда добрый святой Иоанн крестил святого Христа) [Топорова 1996, 133; Schulz 2003, 81].

8. В основном используется как заговор от кровотечения и кровавой раны, однако начиная с XV века в разных традициях функционирует также в качестве заговора от других болезней.

9. Часто контаминируется с другими заговорами от кровотечения: «Лонгинус-формулой» и «Кровь и вода из раны».

10. Особенности заговоров в национальных традициях:

английские: наиболее популярный заговорный тип в Англии, составляет около 1/12 всего корпуса английских заговоров. В созданной Дж. Ропером базе данных английских заговоров представ-

лено 42 текста; наиболее ранний пример — XIV века, наиболее поздний — 1929 г.; при этом 23 записи относятся к XIV—XV векам, а 18 — к периоду с 1800 по 1929 гг. [Roper 2005, 104—109];

белорусские: распространение заговора у восточных славян (прежде всего у белорусов) связывают с католическим польским влиянием [Zowczak 2000, 298—299]; у белорусов (а также у русских и украинцев) заговор состоит из сравнительной заклинательной формулы, в то время как нарративная часть отсутствует;

русские: известен в немногочисленных записях только на юге России и совсем неизвестен в центре и на севере России; наиболее ранний текст — в рукописном лечебнике XVII века, переведенном с польского и составленном где-то на территории Литовской Руси [Пушкарев 1977, 115];

чешские: как заговоры от кровотечения не используются (применяется от укуса змей, от пожара, от чахотки).

11. Исследования: Eberman 1903, 24—35; Jacoby 1913, 200—209; Познанский 1917, 61—63, 219—222; Ohrt 1930, 269—274; Ohrt 1931/1932; Ohrt 1938; Zowczak 1994, 15—19; Davies 1996, 20—21; Zowczak 2000, 297—304; Holzmann 2001, 94—96, 116—119; ПЗ 2003, 176 (№ 283), коммент. Т.А. Агапкиной; Schulz 2003, 79—93; Арнаутова 2004, 288—289; Roper 2005, 104—109; Агапкина 2006, 63—68; Завьялова 2006, 210—215.

Литература и источники

Агапкина 2002 — *Агапкина Т.А.* Сюжетики восточнославянских заговоров в сопоставительном аспекте // Литература, культура и фольклор славянских народов: Материалы конф. (Москва, июнь 2002 г.) к XIII Междунар. съезду славистов. М., 2002. С. 237—249.

Агапкина 2006 — *Агапкина Т.А.* Сюжетики восточнославянских заговоров в сопоставительном аспекте: 1. Детская бессонница и крик; 2. Заговоры от кровотечения и раны // Славянский и балканский фольклор. М., 2006. С. 10—123.

Агапкина (в печати) — *Агапкина Т.А.* Сюжетики восточнославянских заговоров в сопоставительном аспекте. Заговоры от зубной боли (в печати).

Агапкина, Топорков 1990 — *Агапкина Т.А., Топорков А.Л.* К реконструкции праславянских заговоров // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л., 1990. С. 68—75.

Агеева 1982 — *Агеева Р.А.* Пространственные обозначения и топонимы в заговоре как типе текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982. С. 132—159.

Адоньева, Овчинникова 1993 — Традиционная русская магия в записях конца XX века / Сост. С.Б. Адоньева и О.А. Овчинникова. СПб., 1993.

Арнаутова 2004 — *Арнаутова Ю.Е.* Колдуны и святые. Антропология болезни в средние века. СПб., 2004.

Боцяновский 1895 — *Боцяновский Н.Ф.* Заговоры против болезней, разные поверья и приметы (село Писки Житомирского у.) // Живая старина. 1895. № 3—4. С. 499—504.

Булущева 1994 — *Булущева Е.* Заговоры в фольклоре Саратовского Поволжья // Саратовский вестник. Вып. 4: Заговоры. Саратов, 1994. С. 3—16.

Вельмезова 2004 — *Вельмезова Е.В.* Чешские заговоры. Исследования и тексты. М., 2004.

Востриков 2002 — *Востриков О.В.* Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь. Вып. 5. Магия и знахарство. Народная мифология. Екатеринбург, 2002.

ВС 2005 — Ветлужская сторона. Вып. 4. Традиционный фольклор Варнавинского района Нижегородской области / Под ред. А.В. Кулагиной. М.; Варнавино, 2005.

Гаврилов 1892 — Заговоры из Городищенского и Черниговского у. Черниговской губ. (Собр. М. Гавриловым, доставлены П.С. Ефименко) // Сб. ХИФО. 1892. Т. 4. С. 283—285.

Григораш 1995 — *Григораш А.В.* Лечебные заговоры // Традиционный фольклор Вилегодского р-на Архангельской обл. (в записях 1986—1991 гг.). Сыктывкар, 1995. С. 108—126.

Демидович 1896 — *Демидович П.П.* Из области верований и сказаний белорусов // Этнографическое обозрение. 1896. № 2—3. С. 107—145.

Дмитриева 1975 — *Дмитриева С.И.* Географическое распространение былин: По материалам конца XIX — начала XX в. М., 1975.

Добровольский 1905 — *Добровольский В.Н.* Песни Дмитровского у. Орловской губ. // Живая старина. 1905. № 3—4. С. 290—414.

Еф. СМЗ 1874 — *Ефименко П.С.* Сборник малороссийских заклинаний. М., 1874.

Завьялова 2006 — *Завьялова М.В.* Балтославянский заговорный текст. Лингвистический анализ и модель мира. М., 2006.

Зам. 1992 — *Замовы / Уклад. Г.А. Барташэвіч.* Мінск, 1992.

Зорі 1991 — Ви, зорі-зориці. Українська народна магічна поезія (Замовляння) / Упор. М.Г. Василенка, Т.М. Шевчук. Київ, 1991.

Иващенко 1878/2 — *Иващенко П.С.* Шептання. Приложение к реферату: «Следы языческих верований в южнорусских шептаннях» // Труды III Археологического съезда в России, в Киеве в 1874 г. Киев, 1878. Т. 2. С. 171—181.

- Кляус 1997 — *Кляус В.Л.* Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М., 1997.
- Козьмин 2006 — *Козьмин А.В.* Аарне — Томпсон — Утер: новое издание указателя сказочных сюжетов // *Живая старина*. 2006. № 1 (49). С. 56—57.
- Короленко 1892 — *Короленко П.* Черноморские заговоры // *Сборник Харьковского историко-филологического общества*. 1892. Т. 4. С. 274—282.
- Крашенинникова 2001 — Заговоры Вилегодского района Архангельской области // *Предисл. и публ. Ю.А. Крашенинниковой // Живая старина*. 2001. № 3 (39). С. 25—28.
- Курец 2000 — Русские заговоры Карелии / Сост. Т.С. Курец. Петрозаводск, 2000.
- Левкиевская 2002 — *Левкиевская Е.Е.* Славянский оберег: Семантика и структура. М., 2002.
- Мажников 1893 — *Мажников С.* Народная медицина в г. Ейске // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Тифлис, 1893. Т. 16. Отд. 2. С. 39—130.
- Майков 1869/1992 — Великорусские заклинания. Сборник Л.Н. Майкова. СПб., 1992.
- Малинка 1902 — *Малинка А.* Сборник материалов по малорусскому фольклору. Чернигов, 1902.
- Мансикка 1926 — *Мансикка В.* Заговоры Пудожского уезда Олонекской губернии // *Sborník filologický* (III. Trída České akademie věd a umění). Praha, 1926. Sv. 8, č. 1. С. 185—233.
- Небжеговская-Бартминьская 2004 — *Небжеговская-Бартминьская С.* Роль мотива в описании модели текста // *Язык культуры: семантика и грамматика*. М., 2004. С. 256—273.
- Неклюдов 2006 — *Неклюдов С.Ю.* Указатели фольклорных сюжетов и мотивов: к вопросу о современном состоянии проблемы // *Проблемы структурно-семантических указателей*. М., 2006. С. 31—37.
- НЗ 1997 — Нижегородские заговоры (В записях XIX—XX веков) / Сост. А.В. Коровашко. Нижний Новгород, 1997.
- Новг. ф-р 2001 — Традиционный фольклор Новгородской области. Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры (по записям 1963—1999 гг.) / Изд. подгот. М.Н. Власова, В.И. Жекулина. СПб., 2001.
- Новиков 2000 — *Новиков Ю.А.* Сказитель и былинная традиция. СПб., 2000.
- Новицкий 1913 — *Новицкий Я.* Малорусские народные заговоры, заклинания, молитвы и рецепты, собранные в Екатеринославщине. Екатеринослав, 1913.
- НТКПО 2002/1, 2 — Народная традиционная культура Псковской области. СПб.; Псков, 2002. Т. 1—2.
- ПЗ 2003 — Полесские заговоры в записях 1970—1990-х гг. / Сост. Т.А. Агапкина, Е.Е. Левкиевская, А.Л. Топорков. М., 2003.
- ПЗам 1995 — Поліські замовляння / Зібрав та уклад В. Мойсієнко. Житомир, 1995.
- Познанский 1917 — *Познанский Н.* Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. М., 1995. [Ре-принт издания 1917 г.]
- Попов 1903 — *Попов Г.И.* Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. СПб., 1903.
- Проблемы указателей 2006 — Проблемы структурно-семантических указателей. М., 2006.
- Проценко 1998 — *Проценко Б.Н.* Духовная культура донских казаков. Заговоры, обереги, народная медицина, поверья, приметы. Ростов-на-Дону, 1998.
- Пыщуг 2001 — Пыщуганье. Традиционный фольклор Пыщугского р-на Костромской области / Под ред. А.В. Кулагинной. Пыщуг, 2001.
- Разумовская 1993 — *Разумовская Е.Н.* Современная заговорная традиция некоторых районов Русского северо-запада (по полевым материалам 1973—1988 гг.) // *Русский фольклор*. СПб., 1993. Т. 27. С. 257—273.
- Рафаева 2006 — *Рафаева А.В.* Теория и практика составления фольклорных указателей: о монографии Х. Ясон // *Проблемы структурно-семантических указателей*. М., 2006. С. 13—30.
- РЗЗ 1998 — Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953—1993 гг. / Под ред. проф. В.П. Аникина. М.: МГУ, 1998.
- Романов 1891 — *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Витебск, 1891. Вып. 5.
- Слов. маг. 1998 — *Словесна магія українців / Передмова В. Фісуна*. Київ, 1998.
- Смирнов 1988 — *Смирнов Ю.И.* Восточнославянские баллады и близкие им формы. Опыт указателя сюжетов и версий. М., 1988.
- Сорокин 1890 — *Сорокин Г.И.* Местечко Дмитровка. Опыт историко-статистического и этнографического описания. Херсон, 1890.
- Срезневский 1913 — *Срезневский В.И.* Описание рукописей и книг, собранных для имп. Академии наук в Олонекском крае. СПб., 1913.
- Судог. ф-р 2001 — Фольклор Судогодского края / Сост. В.Е. Добровольская, И.А. Морозов, В.Г. Смолицкий. Изд. 2-е. М., 2001.
- СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг и др. Л., 1979.
- Таямн. 1998 — *Таямніцы замоўнага слова / Уклад. Ф. Штэйнера, В.С. Новак*. Гомель, 1998.
- Топорков 1999 — *Топорков А.Л.* Указатели славянских заговоров // *Живая старина*. 1999. № 1 (21). С. 52—54.
- Толстая 1999 — *Толстая С.М.* Из наблюдений над сербскими заговорами // *Этно-кул-*

туролошки зборник. Сврљиг, 1999. Књ. 5. С. 155—160.

Топорков 2002 — *Топорков А.Л.* Заговорно-заклинательная поэзия в рукописных традициях восточных и южных славян // Литература, культура и фольклор славянских народов: XIII Международный съезд славистов (Любляна, август 2003). Доклады российской делегации. М., 2002. С. 351—361.

Топорков 2005 — *Топорков А.Л.* Заговоры в русской рукописной традиции XV—XIX вв. История, символика, поэтика. М., 2005.

Топорова 1996 — *Топорова Т.В.* Язык и стиль древнегерманских заговоров. М., 1996.

Трейланд 1881 — *Трейланд О.Я.* (*Бриземникас*). Материалы по этнографии латышского племени // Известия имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском ун-те. Т. 40. Труды этнографического отдела. Кн. 6. М., 1881.

ТСС 1992 — Таємна сила слова / Упор. Г. Бондаренко. Київ, 1992.

УНМ 2001 — Українська народна магія. Поетика. Психологія / Упор. Т. Полковенко. Київ, 2001.

ФНО 2005 — Фольклор Новгородской области: История и современность. По материалам фольклорного архива Новгородского университета за 30 лет / Сост. О.С. Бердяева. М., 2005.

Харитоновна 1992 — *Харитоновна В.И.* Заговорно-заклинательная поэзия восточных славян. Конспекты лекций. Львов, 1992.

Харламов 1901 — *Харламов М.* Суеверия, поверья, приметы, заговоры, собранные в городе Ейске // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1901. Т. 29, отд. 3. С. 1—48.

Харламов 1904 — *Харламов М.* Суеверия, поверья, приметы, заговоры, собранные в городе Майкопе // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1904. Т. 34, отд. 3. С. 1—22.

Чуб. 1872 — *Чубинский П.П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в западнорусский край. СПб., 1872. Т. 1, вып. 1.

Шейн 1893 — *П.В. Шейн.* Материалы для характеристики быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1893. Т. 2.

Ястребов 1894 — *Ястребов В.Н.* Материалы по этнографии Новороссийского края. Одесса, 1894. С. 8—16, 42—59.

Biegeleisen 1929 — *Biegeleisen H.* Lecznictwo ludu polskiego. Kraków, 1929.

Davies 1996 — *Davies O.* Healing Charms in Use in England and Wales 1700—1950 // Folklore. Doheny, 1996. Vol. 107.

Ebermann 1903 — *Ebermann O.* Blut- und Wundsegen in ihrer Entwicklung dargestellt. Berlin, 1903 (Palaestra; Bd. XXIV).

Holzmann 2001 — *Holzmann V.* «Ich beswer dich wurm und wyrmin...». Formen und Typen altdeutscher Zaubersprüche und Segen. Bern, 2001.

Hunt 1990 — *Hunt T.* Popular Medicine in Thirteenth-Century England. London, 1990.

Jacoby 1913 — *Jacoby A.* Der Bamberger Blutsegen // Zeitschrift für deutscher Altertum und deutsche Literatur. 1913. Bd. 54. S. 200—209.

Jason 2000 — *Jason H.* Motif, Type and Genre: A Manual for Compilation of Indices and a Bibliography of Indices and Indexing. Helsinki, 2000. (FFC, N 273).

Kolberg 53 — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. T. 53: Litwa. Wrocław; Poznań, 1965.

Mansikka 1929 — *Mansikka V.* Litauische Zaubersprüche. Helsinki, 1929.

Novikovas 1997 — *Novikovas J., Trimakas R.* Lietuvos rusų sentikių užkalbėjimai // Tautosakos darlai VI—VII. Vilnius, 1997. P. 267—287.

Ohrt 1930 — *Ohrt F.* Zu den Jordansegen // Zeitschrift für Volkskunde. NF 1. 1930. S. 269—274.

Ohrt 1931/1932 — *Ohrt F.* Jordansegen // Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. Berlin, 1931/1932. Bd. 4. S. 766—770.

Ohrt 1938 — *Ohrt F.* Die ältesten Segen über Christi Taufe und Christi Tod in religionsgeschichtlichem Lichte. Copenhagen, 1938 (Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-filologiske Meddelelser, 25.1).

Podbereski 1880 — *Podbereski A.* Materiai do demonologii ludu Ukraińskiego // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1880. T. 4. S. 3—82.

Rokosowska 1900 — *Rokosowska Z.* Zama-wiania («zmowlania») // Wisła. 1900. T. 14. S. 458—461.

Roper 2004a — *Roper J.* Typologising English Charms // Charms and Charming in Europe / Ed. by J. Roper. Hampshire; New York, 2004. P. 128—144.

Roper 2004b — Charms and Charming in Europe / Ed. by J. Roper. Hampshire; New York, 2004.

Roper 2005 — *Roper J.* English Verbal Charms. Helsinki, 2005. (FFC, N 288).

Rulikowski 1879 — *Rulikowski E.* Zapiski etnograficzne z Ukrainy // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1879. T. 3. S. 62—167.

Schulz 2003 — *Schulz M.* Beschwörungen im Mittelalter. Heidelberg, 2003.

Udziela 1891 — *Udziela M.* Medycyna i przesyady lecznicze ludu polskiego. Warszawa, 1891.

Uther 2004 — The Types of International Folktales. A Classification and Bibliography. Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson by Hans-Jörg Uther. Helsinki, 2004. P. 1—3. (FFC, N 284).

Zowczak 1994 — *Zowczak M.* Mitologia zamawiania i mistyka zamów na podstawie współczesnych materiałów z Wileńszczyzny // Literatura ludowa. 1994. № 4/6. S. 3—33.

Zowczak 2000 — *Zowczak M.* Biblija ludowa. Interpretacje wątków biblijnych w kulturze ludowej. Wrocław, 2000.